

Вечность у Ф.М. Достоевского

© М. П. ГАЛЫШЕВА

Если в языках, сформировавшихся под влиянием культуры римской цивилизации, слово “вечность” понимается как отсутствие границ, как бесконечность и беспредельность, то в этимологии русского слова прослеживается прежде всего связь с человеческой жизнью, “веком”, который, например, в Словаре Даля определяется как “срок жизни человека <...> продолжение земного бытия”. Связь вечного с “веком” присутствует и в древнегреческом языке, под непосредственным влиянием переводов с которого формировалось литературное и философское значение русских слов.

В творческом сознании Достоевского, с одной стороны, глубоко воспринявшем многие идеи западной философии, с другой – также ориентированном на народное мировосприятие и народные идеалы, присутствуют оба понимания. Но если первое, “отрицательное” понимание вечности как отсутствия, безграничности, было общим культурным и философским местом для времени Достоевского, то вторая интерпретация значения слова – как жизни, интенсивности, одновременно осмысленная в рамках православной и народной русской традиции, непосредственно соотносилась с его идеологией почвенничества. “Отрицательное” же понятие вечности как бесконечной пустоты в художественной системе почвенника Достоевского, как правило, характеризует героев (таких, как Ставрогин, Свидригайлов, Раскольников), соотносимых с западным сознанием и мировоззрением.

Вечность в художественном мире Достоевского оказывается важным и одновременно сложным понятием. Герои писателя не живут в вечности, но в то же время им доступно переживание минуты, которая длится вечность, как в “Белых ночах”, или они, как Кириллов, доходят до минут, когда время останавливается. Иногда они ведут себя так, как